

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ КАК ВЫЗОВЫ ДЕМОКРАТИИ: ПОЛУЧИТСЯ ЛИ СНОВА ИЗБЕЖАТЬ «ЛОВУШКИ УВЕРЕННОСТИ»?*

И. И. Кузнецов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Развитие демократических политических систем неизбежно предполагает преодоление кризисов. Вызовами демократии являются как внешние факторы, связанные с активностью других политических режимов, изменениями миропорядка, так и внутренние, определяемые совокупностью социально-экономических и политических аспектов. Нередко такие внутренние факторы становятся критически важными и могут определять опасное состояние — «ловушку уверенности». В статье обсуждается концепция кембриджского политолога Д. Рансимена, в которой выражена твердая уверенность в способности демократий выходить из кризиса достойно и с готовностью к новым испытаниям. Выделенные Д. Рансименом семь основных кризисов демократии XX в. представляют собой события, повлиявшие на характер функционирования демократических систем. Кроме того, преодоление данных кризисов продемонстрировало наличие серьезного ресурса прочности политических и социальных институтов, формирование в государственной системе навыков выживания и рефлексии. Наиболее важными вызовами демократии являются: война (склонность демократий втягиваться в военное противостояние, которое может грозить серьезными издержками), финансы (нерациональное использование государственных средств), экологическая угроза (изменения климата вследствие активной экономической деятельности, истощение ресурсов), соперники (деятельность тех государств, которые могут серьезно ограничить экспансию демократии). Отдельное внимание уделено оценке ролей Китая и России в формировании «ловушки уверенности» современных демократий.

Ключевые слова: политические кризисы, демократия, политическое развитие, политический процесс, трансформации демократических институтов в политике.

В профессиональном сообществе политологов тема качества демократии, ее способности эффективно функционировать, изменяться и совершенствоваться присутствует давно. Можно считать, что она прочно закрепилась в политической теории, поскольку и классики политического знания, и современные

* Рецензия на книгу: *Рансимен Д.* Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 400 с.

Видео версию обзора книги см.: *Кузнецов И. И.* «Ловушка уверенности» для демократий или чем полезны кризисы? // Канал «Книжная полка», YouTube. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=03zSMrrhOc0>; *Кузнецов И. И.* Почему демократии попадают в «ловушку уверенности»? // Канал «Интеллектуальный клуб», Instagram. 2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CKWxIKLJpTk/>

авторы по-прежнему часто обращаются к вопросам: как возможно развитие демократических традиций и институтов в обществе, существуют ли взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития и укреплением демократии в политических системах, имеются ли универсальные характеристики демократических систем, или, возможно, мы всегда наблюдаем только конкретные проявления демократических тенденций в тот или иной исторический период и в конкретном социальном, политическом и культурном контексте?

Книга кембриджского профессора Д. Рансимена представляет особый интерес. Во-первых, в связи с тем, что, обращаясь к уже не раз предметно изученной теме, автор выделяет в качестве главного объекта внимания способность демократии противостоять вызовам и преодолевать кризисы. Во-вторых, в данной работе выделен весьма важный в историческом отношении период — так называемый короткий XX век, в который уместились Первая и Вторая мировые войны, Великая депрессия 1929–1933 гг., холодная война, Карибский кризис, этатодеструкция Советского Союза и многое другое. Даже если поставить под вопрос такой выбор хронологических рамок исследования (а он прямо отсылает к работам Эрика Хобсбаума, хотя Д. Рансимен не упоминает выдающегося социолога и историка и даже не отмечает его в списке литературы в конце текста)¹, то это весьма внушительный отрезок времени в историческом значении. В-третьих, книга намечает ближайшие вызовы демократии (забегая вперед, отметим, что это — «война», «финансы», «экология» и «соперники»), что позволяет определить на основе представленных автором типических реакций демократий на вызовы дальнейшую ее эволюцию. Таким образом, Д. Рансимен в некоторой степени вооружает внимательного читателя прогностическим инструментарием, который можно использовать и попытаться представить дальнейшую траекторию эволюции демократических систем.

В предисловии книги автор указывает, что в фокус его внимания не входит обсуждение таких широко известных подходов к политической динамике, как «волны демократизации» С. Хантингтона или «конец истории» Ф. Фукуямы. Видимо, делая своеобразный реверанс американским коллегам, Д. Рансимен предпочитает все-таки уйти от вопросов по поводу «демократических транзитов» в современном мире и неразрывно связанных с ними «откатов» демократии. На наш взгляд, это вполне конструктивная позиция (позволяющая не вникать в подробности количественных и качественных исследований «третьей волны» или определения параметров универсальных сравнительных инструментов). Однако уязвимость ее все же налицо: оптимистический в целом настрой автора (количество демократий в мире растет, особенно во второй половине короткого XX столетия) соседствует с реалистической оценкой жизнеспособности так на-

¹ В своем интервью российскому журналу «Свободная мысль» Э. Хобсбаум так определил главные события столетия: «Какое событие можно считать центральным в XX в.? На самом деле облик столетия определили два феномена: во-первых, это был век катастроф, век небывалых по масштабам массовых убийств — в ходе двух мировых войн, революций и контрреволюций; во-вторых, в XX столетии произошло невероятное ускорение экономического роста и глобализации. Именно в условиях этого ускорения мы ныне и живем, и это порождает большинство проблем, с которыми человечество столкнется в XXI веке». Цит. по: [Хобсбаум, 2004, с. 3–14].

зываемых новых или молодых демократий. По мнению автора, часто переход от автократии ведет к другому такому же режиму, а не к демократии и представительному правлению.

Среди наиболее важных фундаментальных вызовов демократии, по Д. Рансимену, стоит выделить четыре значимых фактора:

- война (способность демократий ввязываться в военные авантюры);
- государственные финансы (или, точнее, управление госфинансами);
- экологическая угроза (изменения климата, связанные с антропогенным давлением, экономическим развитием с широким поглощением ресурсов);
- наличие вероятного конкурента (точно указан таковой — поднимающийся Китай).

Обсуждение того, почему именно данные факторы выделены, достаточно простое: на этом держится логика исследования Д. Рансимена, который указывает: «...изучаемые кризисы составляют единую цепочку, в которой вырисовываются определенные закономерности. Это история неопределенных страхов, упущенных возможностей и нечаянных триумфов. Это повесть о случайности и сумятице» (с. 26). Вводя понятие «устоявшиеся демократии», автор тем самым сразу отмечает возможности изучения так называемых молодых или новых демократий и основное внимание уделяет США и Западной Европе. Еще один очевидный аргумент такого выбора — приверженность методологии А. Токвиля, в работах которого немало сравнений опыта демократии в Новом и Старом свете.

Стоит признать, что данное исследование в целом базируется на изучении исторического опыта демократий, выделении конкретных кейсов — политических кризисов, — преодоление которых, по мнению автора, подтверждает оценку большей устойчивости демократий по сравнению с другими системами. Успех демократий в таком ракурсе выглядит далеко не как закономерность: «Демократия одержала победу, но не смогла повзрослеть. ...Все накопленные нами исторические свидетельства о преимуществах демократии, похоже, не сделали нас умнее в том, как, собственно, использовать эти преимущества. Напротив, мы продолжаем совершать одни и те же ошибки» (с. 15–16). Но все же главным вопросом для читающего остается следующий — чем сегодня является кризис демократии? Наблюдаем ли мы только «плохое десятилетие» на фоне «хорошего столетия», или это нечто иное? Например, начало системного кризиса способного обернуться в дальнейшем полным распадом демократических систем или серьезной девальвацией ценностей демократического правления. Несмотря на весь имеющийся критический пафос по отношению к демократии, Д. Рансимен выступает здесь все-таки как исторический оптимист и, по видимому, надеется на сочетание уникальных качеств демократии («гибкость, изменчивость, быстрая реакция, свойственная демократическим обществам»), которые позволят и в дальнейшем преодолевать кризисы.

Посмотрим, в чем конкретно видится успех демократий. Автор исследования указывает здесь на два важных аспекта. Можно условно обозначить их как персональный и институциональный.

Во-первых, успешные демократии имеют, как правило, большое количество барьеров, препятствующих проявлению гордыни индивида. В данном случае речь идет, конечно, о лидерской позиции. Воля отдельного политического деятеля не должна быть единственным условием обеспечения стабильности политического режима, а срок пребывания у власти лучше всего ограничивать периодом гораздо меньшим, чем зрелая жизнь человека. Кроме того, видимо, даже конкурентный отбор лидеров может быть небезупречен, вероятны ошибки.

Во-вторых, демократии склонны создавать специальные институции, позволяющие преодолевать в должной мере персональную гордыню или опасности безумия, мании величия отдельного лидера. К этим средствам можно отнести такие институты: регулярные выборы, свободная пресса, независимая судебная система, профессиональная бюрократия.

Итак, согласно объяснению Д. Рансимена, основным ресурсом устойчивости демократии является ее способность совершенствовать политическое устройство общества таким образом, чтобы исключать или минимизировать возможные негативные последствия лидерского правления, склонного к авторитарности и произволу в силу природной человеческой слабости, именуемой «грех гордыни». Здесь нетрудно увидеть мнение, выраженное в форме близкой известному высказыванию У. Черчилля о том, что «демократия является наихудшей формой правления за исключением всех тех других форм, которые применялись время от времени».

Основой подхода Д. Рансимена к анализу способности демократии преодолевать кризисы в XX столетии является обращение к творчеству уже упомянутого французского мыслителя А. Токвиля. Именно ему, по мнению автора, впервые удалось определить связь демократии с динамизмом и инерцией, способностью к приспособлению. Токвиль, по-видимому, смог разглядеть то, что, казалось бы, простодушная и несовершенная форма правления, в которой многое является сырым и неустоявшимся, в долгосрочной перспективе оказывается весьма удачной. Д. Рансимен прибегает к интересному приему интерпретации взглядов Токвиля на особенности становления американской демократии: сравнению путешествия в Новый свет самого француза, очарованного этим необычным для европейца миром и устройством общества, и состоявшегося спустя десятилетие вояжа в Америку другого европейца — британца Чарльза Диккенса. Очарование Америкой пробудило в А. Токвиле мощный интерес к исследованию социально-политической структуры, формированию необычной для француза модели представительной демократии с разделением властей и федерализмом. Яркое первое впечатление Ч. Диккенса от американцев, оказавших ему радушный прием и высказывавших ему поддержку как родственному по духу человеку, который в своих романах защищал бедных и угнетенных, быстро сменилось разочарованием. В какой-то степени это было связано с пиратскими публикациями его романов: Диккенс почувствовал себя обманутым и преданным (что нашло отражение в «Американских заметках» (1842) и романе «Мартин Чезлвит» (1843–1844)). Таким образом, первое впечатление от искренних и радушных американцев сменилось убеждением в их самодовольстве, дурных манерах и лицемерии.

Токвилю же повезло, по мнению Д. Рансимена, сохранить в целом позитивное впечатление об американцах и их социально-политической системе. Он думал, что главным качеством американской демократии является искренность, основанная на вере. Причем в данном случае речь идет не только о религиозном чувстве (хотя нельзя преуменьшить влияние новохристианских общин на становление демократии в Америке), но и о вере в способности разума и воли, о готовности совершать ошибки, учиться, извлекая уроки из сложного опыта. В этом смысле, конечно, у Америки было в то время огромное объективное преимущество: большая и богатая ресурсами страна, относительно изолированная от мира так, что ее ошибки и пробы не приводили к катастрофам. Времени, пространства и ресурсов у Америки было вполне достаточно, чтобы возместить любой ущерб.

Семь глав книги Д. Рансимена — это семь кризисов демократии (1918 — 1933 — 1947 — 1962 — 1974 — 1989 — 2008), каждый из которых демонстрировал способности к восстановлению пошатнувшегося равновесия и приращение уверенности в ее преимуществах перед другими системами. Полагаем, что в данном случае мы снова наблюдаем неиссякаемый оптимизм автора по поводу внутренних ресурсов демократии для регенерации и саморефлексии. Это отчетливо прослеживается в ярких формулировках данных глав книги («1918 — Ложный рассвет», «1947 — Новая попытка», «1962 — На грани», «1974 — Кризис уверенности», «1989 — Конец истории», «2008 — Назад в будущее»). Однако и здоровый скепсис по поводу демократий автор не забывает периодически отмечать: «Ждать того, что демократии извлекут из каждого кризиса, который они пережили, верный урок — значит требовать от них слишком многого» (с. 220).

Выбор данных лет в качестве кейсов исследования кризисов демократии во многом носит субъективный характер. С одной стороны, трудно оспорить важность выделения 1918 г. как года окончания Первой мировой войны и попыток выстраивания послевоенного мирового порядка на основе выдвинутых предложений и инициатив (14 пунктов Вудро Вильсона, проект Лиги наций и др.). Также не вызывает вопросов год 1962-й, который был ознаменован кризисами, последствия которых имели важное историческое значение не только для судеб демократий, но и для миропорядка, системы международных отношений и безопасности в мире. Хотя, на наш взгляд, не стоило ставить в один ряд столь значительные события, как Карибский кризис, китайско-индийская война, и дело, развернутое вокруг западногерманского журнала «Der Spiegel». С другой стороны, в авторский список значимых событий не попали, например, события 1968 г. в Европе, влияние которых для общественно-политического процесса в демократических (и не только!) странах трудно переоценить. Не попала в фокус внимания автора и силовая акция партнеров по НАТО против Югославии весной 1999 г., которая была по сути первым после Второй мировой войны случаем масштабного применения силы (систематические бомбардировки стратегических объектов Сербии, включая Белград). Трудно переоценить значение этих событий для изменений всего миропорядка и роли «устойчивых» демократий в нем.

Кроме того, для многих исследователей и в Старом, и особенно в Новом свете рубежом является «9/11», падение башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, и сценарии действий, развернувшиеся сразу после терактов (продемонстрированных в прямом эфире). Эти события предшествовали как масштабному переформатированию внутривнутриполитического курса в США (создание новой институции — Министерства безопасности Отечества, серьезное ограничение гражданских прав и свобод под предлогом активизации борьбы с терроризмом и многое другое), так и началу целой внешнеполитической программы борьбы с террористами, которая привела к развязыванию новых войн и вооруженных конфликтов (2001 г. — Афганистан, 2003 г. — Ирак и т. д.), введению в действие 5-й статьи Устава НАТО и др.

Главу, посвященную «концу истории», 1989 г., стоит, на наш взгляд, выделить особо. Здесь присутствует обсуждение своеобразных двух пластов той реальности, которая знаменовала очередной поворот мира в своем развитии (от холодной войны — к новому, постбиполярному, состоянию) и наступление очередного триумфа демократии. Первый связан с не во всем удачной метафорой Ф. Фукуямы о «конце истории». Автор обстоятельно анализирует соответствующую статью, а затем и книгу, указывает на то, что тон «пророка» был «скорее предостерегающим, чем восторженным» (с. 266). Но, кроме «конца истории», были и иные, зачастую не менее яркие, образы, которые могут быть также отнесены к пророческим иносказаниям или откровениям. В числе авторов таковых представлены француз Жан-Франсуа Ревель («Как умирают демократии») [Revel, 1984] и американцы Алан Блум («Закат американского разума») [Bloom, 1987], а также автор академического блокбастера Пол Кеннеди («Взлет и падение великих держав», 1987) [Кеннеди, 2018]. Таким образом, Д. Рансимен фиксирует сложившееся к концу 1980-х годов сомнение многих западных интеллектуалов в исключительной способности демократий совершенствоваться. Более того, предостережение Пола Кеннеди об имперском перенапряжении как исключительно тяжелом испытании относилось не только к США, но и к СССР, а прогноз на ближайшее двадцатилетие был весьма неутешительным — сохранение соперничества сверхдержав.

Второй пласт реальности, представленный в этой главе, обращен к предостережениям, высказанным более ранними «пророками», достигшими к концу 1980-х солидного возраста и опыта, — Дж. Кеннану и Ф. А. фон Хайеку. Дж. Кеннан, не скрывая своей радости по поводу крушения СССР и окончания холодной войны, все же был в отчаянии от президентства Р. Рейгана, считал его глупцом, склонным к манихейскому представлению мира и безответственному потаканию толпе. Мир после 1989 г. не стал безопаснее, а торопливое и весьма противоречивое решение об объединении Германии может сыграть в будущем весьма опасную роль. Ф. А. фон Хайеку, получившему всевозможное признание (Нобелевскую премию в 1974 г., Президентскую медаль Свободы в 1991-м), в 1989 г. было 90 лет, и он вряд ли понимал происходящее. Но надо отдать должное Д. Рансимену, указавшему, что Хайеку всегда было свойственно критическое отношение к распухлости демократии, необходимости ей постоянно напоминать об обуздании страстей и о приучении к дисциплине. Объединяя

позиции этих двоих, Рансимен пишет: «Кеннан хотел, чтобы демократия заслужила свою победу. Того же хотел и Хайек. Оба они были в душе моралистами и политическими пуританами. Но это означало, что бездумная демократия не могла не разочаровать их в момент своего успеха» (с. 277). Получается, что и современники — наблюдатели кризиса 1989 г., и его наблюдатели-«аксакалы» сходятся в своих оценках, что достойно подтверждает позицию автора...

Конечно, особый интерес в работе Д. Рансимена представляют те, кого он маркирует в самом начале как «соперников» демократии, способных бросить ей вызов. На первом месте здесь, естественно, находится Китай, ну а далее, ожидаемо, Россия. И если в отношении Китая нетрудно увидеть вполне реалистические оценки (китайским властям удается справляться с кризисными явлениями в мировой экономике с 2008 г., проявлять стремление воздерживаться от войн, прагматизм при расширении своего глобального влияния, но при этом мешают сохраняющаяся относительная бедность населения, растущие ожидания участия граждан при ограниченных возможностях их реализации и др.), то в случае России мы можем отметить набор привычных скорее для современной западной прессы штампов. Автор начинает с того, что Россия — пример гибридного режима («конкурентный авторитаризм», «эксклюзивная демократия», «полуавторитаризм», «дефективная демократия»), в России Путина «репрессии совмещаются с либерализацией, а выборы сосуществуют с устойчивыми властными элитами» (с. 368). А далее совершается закономерный поворот к тому, что, «используя подсказки своих демократических соперников», российская автократия подражает гибкости демократических лидеров, поэтому стабильность здесь «порождена жестокой приспособляемостью» (с. 368). В данном случае, возможно, мы имеем дело с некоторой некорректностью перевода, но дальнейшее сравнение этой стратегии с китайской, а также автократиями в условиях «арабской весны» не оставляет сомнений: недемократии и их лидеры чрезвычайно изобретательно копируют оригинал, чем, по-видимому, наносят невосполнимый вред не только своим социумам, но и святому делу народовластия вообще. Отдадим должное автору: китайцев он опасается все-таки больше: «Вопрос в том, какое решение примет китайский режим, чтобы справиться со своими слабостями, пока не получил ответа. Вряд ли китайский государственный капитализм развалится как картонный домик — он не просто мошенничество. Было бы ошибкой считать, что в этом случае можно будет ориентироваться на пример распада Советского Союза» (с. 370).

Было бы существенным преувеличением назвать книгу Д. Рансимена исключительно научным исследованием, хотя, конечно, в ней есть и анализ, и определенная методология, и набор сравнений... Но, наряду с сугубо познавательными задачами, эвристической функцией исследования, в тексте присутствует и постоянно пробивается в первый ряд то, что сам автор именует «вера в демократию», то, без чего она не может работать. Однако одновременно такая вера подрывает основы демократии: «...чем больше они (граждане. — И. К.) в нее верят, тем с меньшей вероятностью они смогут узнать, что что-то пошло не так» (с. 371). Поэтому, на наш взгляд, данная работа играет важную идеологическую роль: поддерживает веру в конструктивную перспективу демократий,

ободряет тех, кто, возможно, в кризисный период испытывает разочарование, подавлен сомнениями, а также дает надежду тем, кто видит угрозы и вызовы со стороны недемократий (или «демократий с прилагательным», коварно мимикрирующих под настоящие, аутентичные) в способности переиграть их вдолгую в исторической перспективе. В связи с этим крайне интересно было бы узнать, что могло бы стать предметом внимания в следующих главах данной книги. Если следовать заданной автором хронологии, то придется серьезно выбирать из непростого списка: движение «желтых жилетов» во Франции, брекзит и кризис ЕС, американские выборы 2020 г. и предшествовавшие им потрясения — BLM (Black Lives Matter) и другое, а может быть, пандемия COVID-19 и сложный выход из нее?

Литература

Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Екатеринбург: Гонзо, 2018. 848 с.

Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России (интервью) // Свободная мысль-XXI. 2004. № 9. С. 3–14.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004. 632 с.

Bloom A. The Closing of the American Mind. New York: Simon and Schuster, 1987. 393 p.

Revel J.-F. How Democracies Perish. Garden City. New York: Doubleday, 1984. 376 p.

Кузнецов Игорь Иванович — д-р полит. наук, доц.; politbum@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 1 февраля 2021 г.;

рекомендована к печати: 12 февраля 2021 г.

Для цитирования: Кузнецов И. И. Политические кризисы как вызовы демократии: получится ли снова избежать «ловушки уверенности»? (Рецензия на книгу: Рансимен Д. «Ловушка уверенности». История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. М., Издательство ВШЭ, 2019. 400 с.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17, № 1. С. 103–111. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.108>

POLITICAL CRISES AS CHALLENGES TO DEMOCRACY: WILL IT BE POSSIBLE TO AVOID “CONFIDENCE TRAPS” AGAIN?*

Igor I. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; politbum@yandex.ru

The development of democratic political systems inevitably presupposes dealing with crises. The challenges of democracy are both external factors associated with the activity of other political regimes, changes in the world order, and internal factors determined by a combination of socio-economic and political aspects. Often, such internal factors become critical and can determine a dangerous state — the “confidence trap”. The article discusses the concept of the Cambridge political scientist David Runcimen, which expresses firm confidence in the ability of democracies to overcome the crisis with dignity and preparedness for new tests. The seven main crises of democracy of the twentieth century highlighted by Runcimen are events that influenced the nature of the functioning of democratic systems. In addition, overcoming these crises has demonstrated

* Book Review: Runciman D. The Confidence Trap. A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2019. 400 p. (In Russian).

the presence of a serious resource for the strength of political and social institutions, the formation of survival and reflection skills in the state system. The most important challenges to democracy are: war (the tendency of democracies to be drawn into military confrontation, which can result in serious costs), finance (irrational use of public funds), environmental threat (climate change due to vigorous economic activity, depletion of resources), rivals (activities of those states, which can seriously limit the expansion of democracy). Special attention is paid to assessing the role of China and Russia in the formation of the “confidence trap” of modern democracies.

Keywords: political crises, democracy, political development, political process, transformation of democratic institutions in politics.

References

- Bloom A. *The Closing of the American Mind*. New York, Simon and Schuster, 1987. 393 p.
- Hobsbawm E. *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2004. 632 p. (In Russian)
- Hobsbawm E. The Scale of the Postcommunist Disaster Is Not Understood Outside Russia (interview). *Svobodnaia mysl'*–XXI, 2004, no. 9, pp. 3–14. (In Russian)
- Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2018. 848 p. (In Russian)
- Revel J.-F. *How Democracies Perish*. Garden City. New York, Doubleday, 1984. 376 p.

Received: February 1, 2021

Accepted: February 12, 2021

For citation: Kuznetsov I. I. Political crises as challenges to democracy: Will it be possible to avoid “confidence traps” again? *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 103–111. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.108> (In Russian)